

Рене Нюберг

Брутальный шарм Советского Союза

**«Оно просто пришло»
Отказник
Нонконформисты
Чета Халлама
«Чтобы советские власти не взбесились»
Неизвестный
«Ленинград – жестокий город»
Брутальный шарм Советского Союза
Как Алиса в Стране чудес
Левые и правые
Судьба Неизвестного**

«...чтобы советские власти из-за этого не взбесились. Но их согласия, видимо, и не потребуется».
Урхо Кекконен 1965

«Оно просто пришло»

Урхо Кекконен сделал пометку на полях отправленного 29.07.1975 посольством в Москве сопроводительного письма:

«5.8.–75. Нет повода для принятия мер с нашей стороны. Ответа не требуется, поскольку письмо доставлено в посольство 25.07.1975 через посредников во вне рабочее время».

На нижнем крае письма УКК (Урхо Калева Кекконен) сделал приписку:

«Почему представитель посольства принял доставленное «через посредников» «пропагандистское письмо?»»¹

Исполняющий обязанности руководителя политического департамента Министерства иностранных дел Клаус Тёрнудд 15.08. сделал посольству в Москве надлежащие выговоры.

Я узнал об этом от своего начальника Арто Мансалы, который в то время был главой политического отдела посольства. Речь шла о письме скульптора Эрнста Неизвестного, в котором содержалась просьба к президенту Кекконену помочь в получении разрешения на эмиграцию. Когда спросили, кто взял письмо, Арто ответил, что оно "просто пришло". У меня застрял ком в горле, так как я чувствовал, что это могло плохо кончиться. Посол Яакко Халлама был тогда в отпуске в Финляндии, и письмо Неизвестного отправил в Хельсинки временный поверенный в делах Юрки Аймонен с приложенной атташе Нюбергом запиской, касающейся Неизвестного. Много позже, зимой 2011 г., Арто показал мне датированное 25.09.1975 письмо Халламы замстатс-секретарю Юрьё Вяанянену. В нем Халлама обозначил тему: «дело Рене Нюберга». В приложении – оценка послом молодого чиновника:

«Парень далеко не глуп и у него много положительных черт. Однако, он просто невыносимо недисциплинирован, и далеко не всегда следует даваемым мной советам. Он может выкинуть фокус подобно тому, как это было с передачей Президенту письма Неизвестного. К счастью для Нюберга, это произошло во время празднования 75-летнего юбилея Президента, так что Президент Республики не успел уделить ему то внимание, какое письмо наверняка заслужило бы у него в иной ситуации».

Вот так чуть было не дошло до моего вынужденного возвращения на Родину. Моя ошибка заключалась в дальнейшей передаче письма, и я помню свои сомнения. Однако, я сделал это, потому что дал слово Эрнсту Неизвестному. Я не знал тогда, да и не понимал по своей неопытности, что, так как дело происходило за неделю до открытия 01.08. в Хельсинки Сопевания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Неизвестный, находясь в угнетенном состоянии, мог бы отдать письмо и в зарубежные СМИ, и что в глазах Кекконена превратило бы письмо из личного письма в «пропагандистское».

¹ Архив Урхо Кекконена 1/81, 1975.

Отказник

Эрнст Неизвестный был в тот период отказником – так называли людей, получивших отказ на заявление об эмиграции – однако, находился в зените славы. Только годом ранее, в 1974-м, его знаменитая работа – надгробие на могиле Никиты Хрущева – было после долгих перипетий установлено на Новодевичьем кладбище. В том же году был выслан Александр Солженицын, и его друг Мстислав Ростропович получил разрешение уехать из страны, сохранив советский паспорт, которого, правда, его позднее лишили.

В своих мемуарах Неизвестный рассказывает, как Сергей Никитович Хрущев и его друг Сергей Анастасович Микоян пришли на следующий день после смерти Хрущева просить Неизвестного сделать надгробие. По словам Сергея Никитовича, таковым было желание его отца. Неизвестному такая же мысль пришла в тот самый момент, когда он услышал о смерти Хрущева.

Неизвестный в своих мемуарах ярко описывает получение разрешения на установку памятника. Хрущев после отставки в 1964 году был в опале, и московским городским властям не хватало смелости выдать необходимые разрешения. В конце концов дело сдвинулось благодаря письму вдовы Хрущева Нины Петровны премьер-министру Алексею Косыгину. Памятник открыли в третью годовщину смерти Хрущева. Присутствовали только родные, скульптор и иностранные корреспонденты (*sic*). Событие отметили дома у Сергея Хрущева, открыв подаренную Никите Сергеевичу Шарлем де Голлем бутылку старого коньяка.²

Нонконформисты

Москва была моим первым местом службы, и мы с моей женой Кайсой погрузились в привычное для других дипломатов и журналистов творческое окружение. Мы уже неплохо знали русский, что облегчало наше общение. Мы тотчас же познакомились с главными в стране нонконформистами, как в Советском Союзе называли отверженных Союзом художников. Они образовали свой тесный круг и в своей профессии были по-настоящему инакомыслящими. Для них западные журналисты и дипломаты были и отдушиной, и дополнительным источником дохода. Будучи финским дипломатом, я с осторожностью относился к настроенным по-боевому диссидентам. Помню свое изумление, когда мой норвежский коллега с гордостью показал мне лежащие у

² Э. Неизвестный. Говорит Неизвестный. Стр. 24–27. Франкфурт-на-Майне: Посев-Ферлаг, 1984.

него буквально «под рукой» в посольстве Норвегии материалы. Его шкаф был забит только что вышедшими (1973) на русском изданиями «Архипелага ГУЛаг» Солженицына, которые он, по-видимому, раздавал в городе. Однако, я понимал, что подобная деятельность была бы не в интересах Финляндии. Мы не знали тогда, что шведский корреспондент Стиг Фредриксон был одним из основных контактных лиц Солженицына.³ Мы тесно общались с ним и вместе покупали, в том числе, работы художников-нонконформистов, однако, Стиг ни словом не обмолвился о Солженицыне.

Знакомство с художниками было полезным и крайне интересным, так как очень многих людей искусства советский строй отторгал, и они сами были далеки от него, ведя скромное существование вне политики, оставаясь в душе независимыми. Вряд ли кто-то из них голосовал на так называемых «выборах». Многие зарабатывали на жизнь физическим трудом, если не удавалось продать работы иностранцам и редким русским коллекционерам. Одним из таких русских коллекционеров был пианист Святослав Рихтер. Он жил в центре Москвы в построенном для советской элиты доме желтого кирпича, неподалеку от Пионерских или, как они теперь снова называются, Патриарших прудов. В его просторную квартиру мы ходили смотреть выставку Дмитрия Краснопевцева в 1974 г. Даже для молодого чиновника цены не были «заоблачными», и мы многое купили, в том числе, художественно ценные работы, которые все еще нас впечатляют.

Чета Халлама

Я обрадовался, когда заметил в 2008 г. в Москве выставку Оскара Рабина в Третьяковской галерее, приуроченную к его 80-летию юбилею. С Рабиным обошлись ужасно: его сын умер при невыясненных обстоятельствах и, в конце концов, художника изгнали из страны в 1978 году. Рабин и его супруга художник Валентина Кропивницкая обосновались в Париже и получили французское гражданство. Мы хорошо знали их и в свое время купили работы обоих. Рабин был одним из главных нонконформистов, и его маленькая тесная кухонька была местом сбора художников. Я очень обрадовался, когда в Третьяковке увидел картину, бывшую, по всей вероятности, той же самой или же вариантом той работы, которую Анита Халлама купила осенью 1975 у Рабина. Правда, Яакко Халлама вернул картину, и Анита выбрала взамен нее натюрморт «Водка и селедка», который сейчас находится у их сына. Приход Аниты Халламы к Оскару Рабину не был случайным. Я привез ее туда на своем оранжевом «Вольво», чтобы обеспечить собственный тыл, что, конечно же, понял Яакко Халлама, и что, без сомнения, ускорило мой отъезд из Москвы.

³ S. Fredrikson. Alexanders kurir, Ett journalistliv i skuggan av det Kalla kriget. [Курьер Александра – жизнь журналиста в тени холодной войны], 2003.

Когда Халлама в 1974 году был вторично назначен послом в Москве, он уже был инвалидом. После перенесенной операции на мозге его речевая способность была ограничена. Вспоминается задним числом визит рабочей комиссии парламента и вопрос некоего удивленного депутата: «Почему посол так странно говорит?» Правда, тот же депутат, прежде чем зайти в кабинет посла, приложился для храбрости к фляжке, что молодой атташе резко осудил.

Как нам теперь известно, Халлама только и думал о том, как бы упрочить свое положение в глазах президента. Между делом он буквально удвоил зарплаты в Москве, за что молодая супружеская чета атташе была ему также очень благодарна. Халламу вернули в Финляндию только после смены власти в 1982 г. Он полностью доверял в отчетах Арто Мансале. И, однако же, не удержался, чтобы не помешать перестановке мидовских кадров. В упомянутом письме Халлама советовал замстатс-секретарю Вянянену отправить меня не в посольство в Лондоне, возглавляемое добродушным Диком Тёттерманом, на что я надеялся, а в Париж – в дисциплинарную школу Ральфа Энкелля. Административный департамент направил меня заместителем генконсула в Ленинград, что решительным образом повлияло на мою карьеру. Только в Ленинграде у меня сформировались идеи о Советском Союзе. Это подвигло меня на более глубокое изучение дел в России, и я все еще остаюсь на этом пути.

Мир московских художников, а также так называемых «неофициалов», вовсе не был чужим для супружеской пары Халлама. Портрет Аниты Халлама 1958 года – одна из лучших работ Ильи Глазунова, что подтвердила выставка Глазунова в музее современного искусства г. Хельсинки «Киасма» осенью 2010 г. Глазунов с удовольствием выступал еще в преклонном возрасте, как художник-диссидент. Он, действительно, был диссидентом, так как его мистико-религиозная тематика была националистической и находилась в противоречии с официальным атеизмом. Это, в свою очередь, впечатляло многих из партийной элиты и обеспечивало Глазунову защиту, а также весомые экономические выгоды. В глазах нонконформистов Глазунов был «липовым» диссидентом из-за привилегий, которыми он пользовался.

«Чтобы советские власти не взбесились»

Вопреки тому, как можно было бы судить по реакции 1975 года, Эрнст Неизвестный не был для Кекконена неизвестным художником, просто время было другое. В 1965 году Кекконен получил в подарок от премьер-министра Косыгина гранитную скульптуру «Земля», которая была выставлена на обозрение в зале Тамминиеми, резиденции Урхо Кекконена. В своем дневнике

Кекконен упоминает об участии 18.02.1966 в открытии Музея современного искусства г. Тампере, на которое им была одолжена, цитирую, «полученная мной в подарок от правительства СССР статуя Неизвестного «Земля»⁴. В заклеяном «пропагандистским письмом» ходатайстве Неизвестного Кекконену намекалось на подарок и полученную от Кекконена письменную благодарность.⁵

Интерес Кекконена к творчеству Неизвестного был неподдельным. Кекконен наставлял в ноябре 1965 посла Йорму Ванамо найти вежливый подход к художнику в тех выражениях, в которых выкристаллизовался метод внешней политики Финляндии:

«...прошу тебя разузнать, можно ли приобрести у Неизвестного какую-нибудь скульптуру и, по возможности, какую-нибудь графическую работу. Дело, конечно, нужно обустроить таким образом – не мне тебе говорить, чтобы советские власти из-за этого не взбесились. Но их согласия, видимо, и не потребуется».⁶

В 1968 году Неизвестный обратился к президенту Кекконену при посредничестве своего друга корреспондента газеты «Ууси Суоми» («Uusi Suomi») Яакко Кауринкоски и посольства. Он хотел подарить Кекконену рисунки, сделанные к новому изданию «Преступления и наказания» Достоевского. Посольство не нашло в Москве надлежащего качества «белых картонных папок, чтобы собрать вышеупомянутые рисунки прилично, представительно и целиком», и попросило помощи у департамента печати Министерства иностранных дел.⁷ В той же переписке посольство передает пожелание Неизвестного организовать выставку в Хельсинки: «... он осмелился бы напомнить высказанную Президентом Республики идею об организации выставки работ Неизвестного в Финляндии». На полях письма есть пометка: «ГПР [Господин Президент Республики] 23.06.68. На данном этапе нет времени принять, к сожалению». Советник Аарно Кархило сделал карандашом приписку, что Неизвестному сообщено о том, что он может передать «через Кауринкоски в посольство подарок, который будет отправлен в Финляндию Президенту Республики».⁸

⁴ J. Suomi (под ред.). Urho Kekkonen päiväkirjat 2, 1963–68. [Дневники Урхо Кекконена 2, 1963–68. Стр. 252.]. Otava, 2002

⁵ Э. Неизвестный, стр. 88. (Номер благодарственного письма Кекконена Неизвестному указан в журнале входящих и исходящих документов, но письмо не сохранилось в архиве канцелярии президента – Прим. автора)

⁶ Письмо президента Кекконена послу Ванамо, 09.11.1965.

⁷ Посольство Финляндии в Москве, № 1635, 19.07.1968, Антти Карппинен.

⁸ Посольство Финляндии в Москве, памятная записка от 21.06.1968, Аарно Кархило.

Неизвестный

Наши отношения с Неизвестным начались поздно, только в мой последний год пребывания в Москве в 1975-м. Его ателье на Проспекте Мира 41, корпус 4, на заднем дворе, представляло собой ветхую мастерскую, однако, это были «не окраина и не трущоба – всего восемь минут от Кремля», как Неизвестный с удовольствием подчеркивал.⁹ И туда приходили все: видные лица от коммунистической партии Италии, голландская принцесса, сенатор Роберт Кеннеди, французский премьер-министр Эдгар Фор и несчетное число дипломатов и прочих. Сотрудники отдела культуры Центрального комитета КПСС посоветовали Неизвестному на расспросы гостей отвечать, что это помещение временное и что он вскоре получит новое ателье, которое он, разумеется, никогда так и не получил.¹⁰

Неизвестный был легендой и символом бесстрашия, так как все знали о его стычке с Хрущевым в московском Манеже на выставке в декабре 1962-го. «Оттепель» завершилась разочарованием советского руководства исходом Кубинского кризиса в ноябре 1962 г., и художники почувствовали это на себе в Манеже месяц спустя. Событие задокументировано, и теперь также в архиве ЦК КПСС можно найти документ, дословно передающий полемику советского премьера и первого секретаря ЦК КПСС со скульптором.¹¹ Там присутствовало всё политбюро, что во времена Хрущева было привычным. Версии разнятся, но очевидно, что неуступчивость Неизвестного импонировала Хрущеву. Ссылаясь на фамилию художника, Хрущев резко заметил, что его никто не знает, что он – «неизвестный». Заместитель председателя правительства и бывший глава КГБ Александр Шелепин кричал угрожающе, что сделает Неизвестного невыездным и отправит на лесоповал. Кайсе и мне Неизвестный рассказывал при встрече, что на вопрос Хрущева, откуда он взял на памятник бронзу, которая была дефицитом, ответил: «Украл, как и все». На самом деле, согласно записке ЦК КПСС, Неизвестный отрицал акт воровства и утверждал, что «медь» валяется по всем углам.¹²

Самоуверенный Неизвестный отличался от других художников. Помимо художественного образования, он изучал философию в Московском университете и увлекался литературным творчеством. Мы встретили в его ателье, в том числе, его друга и ровесника философа Александра Зиновьева, ставшего известным благодаря опубликованному на западе произведению,

⁹ Неизвестный, стр. 70.

¹⁰ Неизвестный, стр. 107.

¹¹ Высказывания Н. С. Хрущева 01.12.1962. Стр. 159. Приложение к журналу «Родина», журнал «Источник» № 6/2003.

¹² Неизвестный, стр. 164-165.

бичующему Советский Союз, – «Зияющие высоты»¹³. Но, как и многие другие, Зиновьев не нашел своего места в эмиграции. В конце концов он обвинил запад в развале СССР.

Мы приобрели у Неизвестного ряд работ, в том числе и упомянутые иллюстрации к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Он также – единственный художник, которому мы помогли. Мы получили от него в подарок бронзовое распятие, под которым крестили наших детей и внуков.

«Ленинград – жестокий город»

Во время нашего переезда на рубеже 1975-76 гг. в Ленинград Неизвестный подарил нам собственноручно им дружески подписанный оттиск работы, которую он сделал для Нобелевского комитета, и предупредил: «Ленинград – жестокий город». Мы не успели еще обустроиться в Ленинграде, когда узнали о том, что единственный знакомый нам еще в Москве ленинградский художник Евгений Рухин был убит во время поджога в своем ателье.¹⁴ Кайса была на похоронах, я же не смог присутствовать из-за визита какого-то министра. Я обрадовался, когда во время работы послом в 2000-2004 гг. нашел работы Рухина в собрании Третьяковки.

В Ленинграде я вынужден был сразу взяться за конкретную работу и общаться со всеми по-русски. Генеральный консул Антти Карппинен, который был по образованию славист и говорил по-русски с детства, тем не менее, заставлял меня переводить. И мне пришлось учиться. В реальной действительности Ленинграда, самого большого провинциального города в мире, бойкая дипломатическая жизнь Москвы ощущалась как очень далекая. Иностранцев почти не было, но туристов было много. Обстановка была совершенно другая, о чем Неизвестный совершенно верно предупреждал.

В ответственность вице-консула входило, помимо прочего, забота о финских студентах. Их в городе было свыше двухсот. По моей осторожной оценке, примерно 80% из них входило в [финское] Ленинградское академическое общество социалистов (ЛАСС)¹⁵, так что забот хватало. То было время, когда редакция новостей финской государственной радиокompании, или же это была редакция развлекательных программ, выпускала программу под названием «Четверть часа у соседа», в которой на полном серьезе восторгались социальной защитой в СССР и другими достижениями советского строя.

¹³ Александр Зиновьев. Зияющие высоты. 1976.

¹⁴ John McPhee. Venäläisen taiteen lunnaat. [Выкуп за русское искусство]. Otava, 1996.

¹⁵ Представляли крайних коммунистов того времени, именуемых в Финляндии сталинистами.

Мне особенно запомнился некий финский студент-историк, который написал работу о Кимасозерском сражении. Я, разумеется, понимал, в чем дело, однако, не удержался от замечания, что это была очень важная битва, потому что там младший брат Урхо Кекконена, кадровый офицер, капитан Юсси Кекконен потерял зрение. Бедный малый вряд ли даже осознавал мою язвительность, ведь перед ним поставили задачу еще раз рассказать о героическом подвиге финского красного командира Тойво Антикайнена у Ребол на Кимасозере в советской Карелии в январе 1922 года. Эта история была еще в 1937 году отображена в фильме «За Советскую Родину». Антикайнен избежал сталинской «чистки» в тот роковой год благодаря тому, что сидел за решеткой в Финляндии. Зато я говорил о сражениях в начале боевых действий войны-продолжения в июле 1941, во время которых командир части Кекконена капитан Юсси Кекконен был ранен.

Одна из самых сложных переводческих задач выпала на мою долю на Сайменском канале. Глава социалистов Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ) и член правления Банка Финляндии Эле Алениус оказался «бельмом на глазу» для влиятельного второго секретаря Ленинградского обкома партии. Эле все знали, как трезвенника, о чем было прекрасно известно русским. Поэтому советский партийный руководитель нахально попытался заставить Эле выпить за дружбу наших народов. Эле уклонился, а вице-консул переводил и потел. Эле не отступил от своих правил, и ситуация в конечном итоге разрядилось благодаря его решительному спокойствию. В результате удивленный партсекретарь спросил меня потом немного смущенно, не перегнул ли он палку. Насколько мне помнится, я ответил, что в Финляндии есть и те, которые не пьют.

Брутальный шарм Советского Союза

Мой учитель и друг Кейо Корхонен рассказывал о визите генерального консула в Ленинграде Арво Рюткёнена, излившего ему душу. Год был, очевидно, 1972 или же 1973. Рюткёнен характеризовал советскую действительность, как «систему, которая основана на лжи и насилии». Я это хорошо запомнил, так как именно так оно и было, однако, в то время в Финляндии подобное наблюдение следовало делать лично, потому что, как мастерски подмечает Тимо Вихавайнен: «Ведь тогда зарыть голову в песок стало символическим проявлением веры».¹⁶ Остается загадкой, где в 70-е годы было утеряно понимание финнами России. Брутальный шарм Советского Союза, очевидно,

¹⁶ T. Vihavainen. Itäraja häviää. [Восточная граница стирается]. Otava, 2011.

сделал своё дело. Сила великой державы пленяла, но в то же время ослепляла и лишала смелости иметь собственное мнение.

Роман Яри Терво «Крот» не рекомендую читать человеку, у которого нет диплома политической истории. Потому что иначе придется задуматься, как в субботу у телевизора, где факты, а где фикция¹⁷.

Мне особенно нравится в манере Терво подчеркнутая роль Кейо Корхонена в руководстве внешней политикой в последний период правления Кекконена.

«Мне (заместителю статс-секретаря Корхонену) надо сейчас поспешить поставить на восточной границе одну длинную-предлинную сложную фразу».¹⁸

Советский Союз был невероятным вызовом; не всем повезло, как и не все устояли на узком пути. Вспоминаю свою досаду в ситуации, когда одни любят, а другие ненавидят Советский Союз. И нам нужно работать между этих двух огней и притом успешно. Я с тех времен часто размышлял о том, насколько проще было бы общение с Россией и русскими, если бы у нас было больше людей, которые знают Россию и хоть немного говорят по-русски.

Как Алиса в Стране чудес

Ни будучи студентом русского языка в Ленинграде, ни работая атташе в Москве или вице-консулом в Ленинграде, я не был способен постичь Советский Союз. Теперь задним числом кажется, что попал в кроличью нору, как Алиса в Стране чудес. Я следовал за интересными людьми, как, например, за идущими своим собственным путем художниками, и очутился в совершенно непознанном, необъяснимом мире, о котором, как я понимал, в Финляндии 70-х годов знали совсем мало.

Больше половины населения Ленинграда жила в коммуналках, старых каменных домах с большими квартирами, где целыми семьями ютились в одной комнате и где общими были единственная кухня и туалет. Приводить иностранцев в коммуналки было строго запрещено, что не помешало нам увидеть самые разноплановые коммунальные квартиры.

¹⁷ Имеется в виду транслируемая по финскому телевидению политическая сатирическая программа, в которой делаются утверждения, и задается вопрос, являются ли они фактами или фикцией.

¹⁸ J. Tervo. Myyrä. [Крот. Стр. 40]. WSOY, 2004.

Анатолий Чубайс на десять лет моложе меня. Из его биографии следует, что он с женой жил в нескольких шагах от квартиры вице-консула Финляндии. Когда его жене пришел срок рожать, молодая пара пешком отправилась от Фурштатской до Чернышевского в роддом, который был в соседнем от нас доме.

Чубайсы жили в коммуналке в одной комнате, площадь которой была 14 м², правда высота потолков была четыре метра. Их совместная ежемесячная зарплата составляла 190 рублей. Самой большой проблемой для возглавляемых Чубайсом молодых экономистов было найти место, где можно было бы обдумать, не попадаясь на глаза властям, запрещенные дела, а именно реформы советской экономики, т.к. никто из них не имел своей собственной квартиры. Как считали Чубайс и его московский друг Егор Гайдар, это хобби либо доведет до лагерей, либо приведет в правительство.

Крупнейшее финское издательство «ВСОЮ» («WSOY») в 2009 году по моей инициативе опубликовало биографию Чубайса.¹⁹ На ее презентации я смог рассказать Анатолию Борисовичу, что лишь несколькими годами раньше семья молодого вице-консула Финляндии жила в том же районе в «золотой клетке» – квартире площадью свыше 200 м², с русской домработницей и финской няней. По подсчетам Кайсы, мы тратили примерно 1000 рублей в месяц на покупку продуктов, преимущественно на колхозном рынке.

Теперь мы знаем, что годы нашего пребывания в Москве и Ленинграде с 1973 по 1977 были «золотым временем Брежнева». Уровень жизни и продуктовое снабжение улучшились. За этим последовало неизбежное скольжение к застою. Андрей Амальрик в опубликованном в 1970 эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»²⁰ ошибся, в конце концов, совсем ненамного. Я заказал изданное в Париже эссе через финский Академический книжный магазин и прочитал его в Москве в 1973 году. Не припомню, чтобы встречал кого-либо, кто серьезно бы отнесся к предсказанию Амальрика.

Левые и правые

Картина с советскими диссидентами и нонконформистами позднее прояснилась. Архивы, за исключением архивов КГБ, стали более или менее доступными, и в России вышло огромное количество мемуаров и документов.

¹⁹ А. Колесников. Биография. Анатолий Чубайс. М.: АСТ-Москва, 2008.

²⁰ А. Амальрик. Просуществует ли Советский союз до 1984 года? Эспоо: М. Меро, 1978.

Подавляющее большинство интеллектуалов, которые ощущали себя диссидентами, тем не менее, одобряли советскую систему и логику «холодной войны». Они жили в информационном вакууме и гордились своей «советской идентичностью». После смерти Сталина они возлагали надежды на хрущевскую «оттепель», которая, в конечном счете, продлилась недолго. В течение десятилетий вера в социализм и незыблемость системы, однако, истлела. Гнет советской действительности лишил веры в преобразование общества и его демократизацию. Михаил Горбачев понял это, вероятно, только в августе 1991.

В книге «Дети Живаго, последняя русская интеллигенция» русского историка Владислава Зубка, который переехал в Соединенные штаты Америки сразу после развала СССР, отобразена полная картина развития в послесталинскую эпоху. Зубок условно поделил инакомыслящих на «левых» и «правых». «Левые», возглавляемые Андреем Сахаровым, осуждали нарушение прав человека, в то время как «правые» под руководством Александра Солженицына – гибель русского народа.²¹ В современной России говорят о либералах и консерваторах. В царские времена разделение шло на западников и славянофилов.

Первая мировая война была первоначальной, исходной катастрофой (*Urkatastrophe*) Европы XX века, но для России такой катастрофой стала принудительная коллективизация, от которой российская деревня так и не оправилась. Хрущев окончательно сломал хребет селу, и получил на годы вторую большую волну переселения в города. Колхозники были привязаны к земле, так же как крепостные до тех пор, пока им вместо справки не стали выдавать внутренние паспорта с конца 1950-х гг. Только паспорт позволял колхознику покинуть колхоз. Паспортизация села завершилась в 1970-х гг.

Согласно Зубку, оттепель принесла с собой состязание повествований о том, что случилось в России. Однако, обработка новейшей истории России все еще не закончена, даже 20 лет спустя после развала Советского Союза. Зубок прекрасно описывает внутреннюю борьбу сторонника Солженицына и главного редактора журнала «Новый мир» Александра Твардовского. «Новый мир» сломал партийную монополию в определении, что такое хорошая литература. Это укрепило моральный авторитет интеллигенции. Монументальный труд Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»²² о бедственном положении евреев, находящихся между нацистами и большевиками, произвел на Твардовского глубокое впечатление. В своем дневнике он, однако, признается, что

²¹ V. Zubok. Zhivago's Children, The Last Russian Intelligentsia. [Дети Живаго, последняя русская интеллигенция]. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, 2009.

²² В. Гроссман. Жизнь и судьба. М., 1988.

расставленные Гроссманом акценты ему чужды. Для Твардовского главной темой была трагедия русской революции и уничтожения русского крестьянина, а не судьба евреев во Второй мировой войне. Твардовский и Солженицын косо смотрели на космополитическую интеллигенцию, которая, по их мнению, равнодушно относилась к крестьянству и к традиционной русской культуре.²³

Дореволюционная, как и эмигрантская, литература подпитывали антисемитизм в Советском Союзе. Одновременно подчеркивалось преобладание евреев в большевистском руководстве. «Заговор (еврейских) врачей» 1952 года чуть не привел к кровопролитию, которое предотвратила смерть Сталина 5 марта 1953 года. В Советском Союзе повседневная дискриминация была фактом. Запрет на занятие официальных должностей и неофициальные квоты университетов дискриминировали евреев. Пятый пункт советской анкеты «национальность» был поводом для горьких шуток. «Пятый пункт? – Ответ утвердительный!», то есть в анкете человека читали «еврей». Это была, так называемая, «пятая группа инвалидности».

Судьба Неизвестного

Неизвестному 86 лет и он живет в Нью-Йорке и Москве. Я виделся с ним два раза после того, как он в 1976 эмигрировал сперва в Женеву, и затем в 1977 – в Нью-Йорк. Я был у моего друга Пентти Коури за пределами Нью-Йорка в Гринвиче, в штате Коннектикут где-то в конце 80-х. Пентти был уже тогда выдающимся коллекционером искусства и меценатом, и в парке его великолепной усадьбы стояли большие скульптуры, в том числе, работы Генри Мура. Гостями Пентти была группа художников, среди которых был также Эрнст Неизвестный, который признался в своих мечтах Пентти. Мне удалось расслышать решающую фразу: *"I want to be rich!"*. В следующий раз я встретил Неизвестного уже в Москве в середине 90-х, в одной галерее, где была выставка его работ.

Многие диссиденты и нонконформисты были евреями по происхождению, но отнюдь не все. Отец Эрнста Иосифовича Неизвестного – Иосиф Моисеевич Неизвестный – был врачом, а мать – Белла Абрамовна Дижур – известной поэтессой, и оба были еврейского происхождения. Неизвестный говорит в письме Кекконену, что для получения разрешения на выезд в Израиль власти требуют еще и развода, – согласия, данного его женой, им для этого недостаточно. К нему не были так благосклонны, как к Ростроповичу, которому предоставили привилегию сохранить советский паспорт, но лишили его четыре года спустя после высылки.

²³ Zubok, стр. 247.

Символика творчества Неизвестного подчеркнута христианская. Он 17-летним юношей пошел добровольцем на фронт и, будучи офицером, был тяжело ранен. Так что его история была рядовой. Все время, пока он довольствовался своим положением на грани официоза и неофициоза, его терпели и им тайно восхищались. Однако, когда его терпение лопнуло, и он обратился за разрешением на выезд из страны, он переступил границу, и был унижен напоминанием о «пятом пункте» в паспорте.

Принятая в 1974 году Конгрессом США поправка Джексона-Вэника является пережитком тех времен. Она ставит условием предоставления торговых преференций право на свободную эмиграцию. Поправка все еще действует и является одним из камней преткновения для вступления России в ВТО. Правда, между Россией и Израилем в настоящее время существует безвизовый режим, и выезд из страны больше не является проблемой. Все, лишившиеся своего советского гражданства, могут, если того пожелают, получить российский паспорт, если у них нет гражданства какой-нибудь другой бывшей республики Советского Союза.

Неизвестному во многом удалось проявить себя, и его творчество получило международное признание. В Магадане, безутешном крае ГУЛага на Дальнем Востоке России, в 1996 году установили 15-метровый монумент «Маска скорби», символизирующий его творчество. В приложении на фото 1 / На первой фотографии: президент Дмитрий Медведев во время посещения памятника в 2008 году. На фото 2 / На второй фотографии: Урхо Калева Кекконен в Тамминиеми, 1977 г., на переднем плане – скульптура Неизвестного «Земля». На фото 3: Хрущев и Неизвестный

Фото 1

Φοτο 2

Φοτο 3